

ТАТЬЯНА
УСТИНОВА
РЕКОМЕНДУЕТ

ТАТЬЯНА УСТИНОВА РЕКОМЕНДУЕТ:

*«Екатерине Островской и ее детективам
удалось подарить мне не один головокружительный вечер
за увлекательным чтением,
и поэтому я советую вам эти книги!»*

ТЕМНИЦА ТИХОГО АНГЕЛА
ЖЕЛАТЬ НЕВОЗМОЖНОГО
ЗАПОВЕДНИК, ГДЕ ОБИТАЕТ СМЕРТЬ
МЕРТВАЯ ЖЕНА И ДРУГИЕ НЕПРИЯТНОСТИ
МОТЫЛЕК АТАКУЮЩИЙ
ОХОТНИК ЖЕЛАЕТ ЗНАТЬ
Я СТАНУ НОЧНЫМ КОШМАРОМ
НЕТ МЕСТА ЖЕНЩИНЕ
СВЕРХ ОТПУЩЕННОГО СРОКА
УКРАДЕННЫЕ ВОСПОМИНАНИЯ
ПУТЕШЕСТВИЕ ПО ТУ СТОРОНУ
НЕ РАССТАНУСЬ С ВАН ГОГОМ
ЧЕРНЫЙ ЗАМОК НАД ОЗЕРОМ
МЕЧТЫ О ЛУЧШЕЙ ЖИЗНИ
АНГЕЛАМ ЗДЕСЬ НЕ МЕСТО
УПАСТЬ ЕЩЕ ВЫШЕ
ВСТРЕЧА, КОТОРОЙ НЕ БЫЛО
ИСПОВЕДЬ БЕЗ ПРОЩЕНИЯ
С ТОБОЙ МНЕ НЕ СТРАШНО
ДВА РАЗА В ОДНУ РЕКУ
ДЕМОНЫ ПРОШЛОЙ ЖИЗНИ
ПОМОЛВКА С ЧУЖОЙ СУДЬБОЙ
АКТЕРЫ ЗАТОНУВШЕГО ТЕАТРА
ПРОЩАНИЕ НА ПОЦЕЛУЕВОМ МОСТУ
КТО ПОЙМАЛ БУКЕТ НЕВЕСТЫ
ПОБЕДИТЕЛЬ НЕ ПОЛУЧИТ НИЧЕГО
ПОЛОСА ЧЕРНАЯ, ПОЛОСА БЕЛАЯ

Екатерина
Островская

ПОЛОСА ЧЕРНАЯ,
ПОЛОСА БЕЛАЯ

Москва
2019

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
О-77

Оформление серии *А. Старикова*

Редактор серии *А. Антонова*

Островская, Екатерина.

О-77 Полоса черная, полоса белая : [роман] / Екатерина Островская. — Москва : Эксмо, 2019. — 320 с. — (Татьяна Устинова рекомендует).

ISBN 978-5-04-103592-1

Еще недавно бывший сотрудник полиции Сергей Ерохин работал охранником в магазине и с тоской вспоминал бросившую его жену Ларису. Но на смену черной полосе пришла белая — он получил престижную и хорошо оплачиваемую работу в банке. Однако Сергей знал, что там творятся грязные делишки — недавно из Невы было выловлено тело человека, следы убийц которого вели именно в этот банк. А потом непосредственный руководитель дал Ерохину задание организовать преступление...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-103592-1

© Островская Е., 2019

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Суббота

Глава первая

Прогремел охрипший от старости будильник.

Звук был такой противный и громкий, что Сергею спросонья показалось, что за стеной работает перфоратор. Ерохин открыл глаза и вскочил возмущенный: причем так стремительно, что непонятно было, что он сделал сначала — поднялся с кровати или открыл глаза.

Будильник лежал на прикроватной тумбочке циферблатом вниз, гремел и подпрыгивал, словно пытался подняться и встать на свои металлические ножки. Но это ему не удавалось уже года два с того времени, когда одна из ножек отвалилась от злобы, разрывающей изнутри и заставляющей механизм еще громче орать от боли и ненависти ко всему человечеству.

Сергей поднял будильник и взглянул на циферблат, на котором красовалась эмблема Московской олимпиады, — половина девятого. Прежде он так поздно не просыпался — тем более с помощью будильника. Но прежде и жизнь была другая. Тогда глаза сами собой открывались ровно в семь утра, потом зарядка: наклоны вперед с касанием ладонями пола,

полсотни приседаний, потом столько же отжиманий, раскачивания на полушпагате для растяжки и пара минут боксерского поединка со своим отражением в зеркале шкафа-купе.

Лариса смотрела на него, лежа в постели, и улыбалась.

Он спешил в душ, а жена на кухню, чтобы сделать для него яичницу или сварить сосиски с макаронами.

В восемь тридцать он уже был в отделе, проверял оперативные сводки по городу и району, рассматривал ориентировки, после чего проводил небольшое совещание с сотрудниками убойного, который возглавлял. Хотя он не был начальником, а только исполняющим обязанности. Исполнял обязанности почти три года, устал спрашивать, когда его утвердят, заранее зная ответ: пока он старший лейтенант и по штатному расписанию не может занять эту должность, а вот когда Ерохину присвоят капитана — тогда сразу. А представление на очередное звание в управление кадров начальство почему-то отправлять не спешило.

Но других претендентов не было.

Однажды из главка прислали не очень молодого майора, который приходил на работу к десяти, совещаний не проводил, а подчиненным даже руки не протягивал для приветствия.

Сергей делал всё то же, что и раньше, а майор в конце каждого дня его материл. Новое начальство появилось в понедельник, а на той же неделе — в пятницу внезапно исчезло.

Точнее, майор вышел из кабинета около пяти дня, а в полночь в одном баре сработала кнопка тревожной сигнализации, куда тут же вылетела группа захвата вневедомственной охраны.

Новый начальник убойного отдела стоял посреди зала, размахивая пистолетом. На полу лицами вниз, прикрывая затылок ладонями, лежали бармен и посетители, которым майор приказывал его уважать.

Увидев людей в касках и бронежилетах, он произнес устало:

— Пакуйте всех и ко мне в отдел быстро! Я допрошу каждого...

Так Ерохин снова стал исполняющим обязанности. И процент раскрываемости его убойного был лучшим среди всех отделов полиции города.

Но это было уже очень давно, почти пять лет назад...

Сергей вышел в коридорчик, посмотрел в сторону кухни и увидел сидящую за столом тетку.

— На работу не опоздаешь? — поинтересовался он.

— Так сегодня суббота — выходной. А разве ты сегодня работаешь?

Ерохин кивнул и, уже зайдя в ванную комнату, соврал:

— Сегодня совещание в полдень, смотаюсь туда, а потом свободен до понедельника.

На самом деле никакого совещания не предвиделось: его вызвал заместитель директора охранного агентства по кадрам. Вызвал не сам, а приказал сделать это секретарше, которая предупредила:

— Будут решать ваш вопрос, Ерохин, потому что вы уже всех достали.

— Что я еще сделал такого?

— Да вы сотрудника универсама избили.

Теперь он чистил зубы и глядел на свое отражение. Смотрел и думал, что к этому заму по кадрам можно не ходить вовсе: его в любом случае уволят,

а так еще и выскажут много чего неприятного, обидного и несправедливого.

Уволят наверняка, потому что понижать в должности уже некуда, а потому сегодня можно не бриться. Но если этого не сделать, то тетка наверняка догадается, что никакого совещания не предвидится.

Пенка для бритья закончилась, баллончик ничего не выдал, кроме хрипа, пришлось намыливать щеки и шею мылом. Лезвие было тупое, а из зеркала на Ерохина смотрел незнакомый ему озлобленный человек, которому тридцати семи лет никто бы сейчас не дал — сорок пять в лучшем случае. Но после окончания бритья возраст странным образом вернулся.

Сергей вышел из ванной комнаты и прошел на кухню. Сел за стол; тетка подвинула ему тарелку с котлетами и пюре.

— Да я как-то отвык есть по утрам, тетя Нина, — произнес он.

— Какая я тебе тетя?! — возмутилась женщина. — Я всего на двенадцать лет тебя старше. То есть почти на двенадцать. Сколько раз тебе повторять: называй меня просто Нина.

— Хорошо, Нина, — кивнул Ерохин.

И начал с пюре.

Сестра отца сидела напротив и рассматривала его.

— Ты ведь на своей работе какой-то начальник? — поинтересовалась она.

— Начальник дежурной смены, — подтвердил Сергей и принялся за котлету, чтобы Нина не заметила его лжи, — я же тебе говорил.

— Я помню, но вчера мне одна знакомая звонила: сказала, что видела тебя в универсаме в форме охранника. Так вроде какая-то бабулька взяла товар и хотела уйти, не рассчитавшись. А ты ее поймал и увел.

— Это не я был. Что мне делать в универсаме? Я в кабинете сижу. Или перед пультом видеонаблюдения. Ошиблась твоя подруга.

— Вообще-то это моя бывшая одноклассница. Мы с ней вместе с тобой нянчились, когда ты маленьким был, и потом, когда твоя мать тебя и брата моего бросила.

— Я-то теперь не маленький: вот и обозналась она. Сколько лет-то прошло...

Завтракать уже не хотелось, но пришлось все до-есть, а потом пить горький кофе.

— Может, ты в полицию вернешься? — с надеждой поинтересовалась тетка.

Сергей потряс головой и поднялся.

— Спасибо, все было очень вкусно. А в полиции я никому не нужен.

Одноклассницу Нины он вчера узнал раньше, чем она его. Хотел отойти подальше. Но тут к кассе подскочила Фатима, администратор по залу, и закричала, указывая на направляющуюся к выходу старушку:

— Держи ее! Это воровка!

И сама бросилась к дверям. А следом за ней Фарух, развозящий товар по залу.

Его Ерохин удержал и приказал возвращаться на рабочее место. Тот нехотя удалился, унося с собой едкий запах парфюмов. А вот Фатима уже вцепилась в бабку и выхватила у нее пакет с купленной провизией.

— Ты — паразитка! — орала администратор по залу, вынимая продукты и складывая их на полку возле камер хранения. — Ты зачем воруешь?! Честно жить тебе не надо, как всем?! Где твой чек?

Она стала сверять разложенные товары с чеком, продолжая возмущаться.

Ерохин подошел и сказал бабушке:

— Вы уж простите.

— Я — не воровка, — заплакала старушка, — я — блокадница. Вот мое удостоверение.

— Здесь все правильно, — удивилась Фатима, — а теперь показывай, что в твоей сумке.

И она рванула сумку на себя.

— Прекрати! — не выдержал Ерохин.

Но администратора по залу уже было не остановить.

— А-а-а!!! — во все горло закричала она. — Вот оно! Два сырка шоколадных и печенье!!! Воровка!

— Это я в другом магазине купила, просто не сдала в камеру. Там чек должен быть.

— Охранник! — приказала Фатима. — Вызывай скорее полицию, а то мы сами с ней сейчас разберемся. Ишь чего удумала, старая! А ведь она сюда часто приходит. Сколько ты наворовала, тварь? Ну, ничего, сегодня за все заплатишь!

Снова рядом нарисовался Фарух. И наклонился к плечу Ерохина.

— Ты понял, Серега? — шепнул он. — Так ее надо обыскивать. Давай мы ее в подсобку отведем...

И снова в ноздри Сергея шибанул бешеный букет ароматов — тех ароматов, которые продавались в парфюмерном отделе.

— Я вызову полицию, а вы пока понятых найдите для досмотра гражданки.

— Какой такой понятой! — закричал Фарух.

И тут же включилась замолчавшая ненадолго Фатима:

— Ты что, не понял? Она тут ворует целый год, а потом везде недостачи.

Они бежали следом, до дверей комнатки охраны.

Старушка еле плелась и тихо плакала, а потому Ерохин тащил ее под локоть, торопясь уйти от преследователей. Фатима с Фарухом хотели проскочить внутрь, но Сергей запустил сначала бабульку, сам остался в проеме, а когда молодой человек толкнул его, заломил руку Фаруха ему за спину и сказал спокойно:

— Еще дернешься — сломаю одну руку, а потом вторую, чтобы ты больше не воровал женские духи.

После чего закрыл дверь.

Старушка что-то искала в своей сумочке.

— Я точно помню, что чек был... Сейчас не могу найти...

— Не надо искать: я верю.

На столе стояла бутылка кваса. Ерохин взял ее и спросил:

— Будете?

И, не дожидаясь ответа, наполнил стакан.

Он вышел из комнатки и подошел к кассе, возле которой его поджидали Фатима и Фарух. Посмотрел, где одноклассница Нины, но та уже поспешила удалиться.

— Сколько стоят эти два батончики и пачка печенья «Мария»?

— Надо уточнить, — ответила кассирша, — рублей сто пятьдесят, наверное.

— Больше! — крикнула Фатима.

Ерохин достал из кармана две сторублевки и протянул кассирше.

— Пробеите по кассе.

Но деньги выхватила администратор по залу.

— Я сама. Сейчас за товаром сбегая — цену уточню.

Сбегала она не за товаром, а к телефону, потому что не прошло и получаса, как Сергею позвонила та самая секретарша и сообщила, что в полдень следующего дня его ждет зам по кадрам.

Глава вторая

Вообще-то странно, что зам по кадрам назначил ему встречу в выходной день.

Охранное предприятие «Сфера» было учреждено бывшими сотрудниками полиции, и кадрами там заведовал тоже бывший сотрудник, который, впрочем, к реальным делам никакого отношения не имел, а руководил паспортным столом в одном из отделов. Про прошлую его жизнь Ерохин ничего не знал, как, впрочем, и про нынешнюю, но теперь у бывшего паспортиста был отдельный кабинет и небольшая приемная с секретаршей.

Сергей теперь сидел и смотрел на дверь, на которой блестела табличка с гравировкой «Заместитель генерального директора по кадрам Леонид Иванович Садыков».

Иногда Ерохин посматривал на часы, потому что обе стрелки уже перевалили за число 12. Иногда еще смотрел на секретаршу, которая раскладывала папки в компьютере. У секретарши были крашенные белые волосы и короткая юбка, а больше ничего, что могло бы привлечь внимание. Когда он посмотрел на нее еще раз, секретарша, не поворачивая головы, спросила:

— Что вы на меня так уставились? Что-то интересное хотите во мне найти?

— Нет, — честно ответил Сергей, — ничего интересного в вас найти я при всем желании не смогу.

— Хам, — обиделась девушка.

Тут открылась дверь, и выглянул Садыков, посмотрел на посетителя, потом внимательно на девушку, словно пытаясь удостовериться, что Ерохин за время своего пребывания в приемной ничего с ней не сделал, после чего махнул рукой:

— Заходи!

Кабинет был маленький, едва ли больше приемной. Вдоль стен расположились шкафы и полки с папками, в которых хранились личные дела сотрудников, и большой телевизионный экран на стене.

Садыков протиснулся за свой стол и уселся в кожаное кресло. Потом он повернул к себе стоящую на столе фотографию в бронзовой рамке, посчитав, очевидно, что Ерохин недостоин видеть ее.

Но Сергей успел рассмотреть Садыкова с какой-то толстой брюнеткой лет сорока на фоне Эйфелевой башни. Садыков и брюнетка держали за руку пухлого пацана лет двенадцати с необычайно наглым выражением лица.

— Понял, зачем тебя вызвали?

Ерохин кивнул.

— Так что пиши заявление по собственному. И скажи спасибо лично мне, что я отмазал тебя. Пострадавший снял побои и уже написал заявление о причинении ему сам знаешь чего.

— Не знаю, — удивился Сергей, — рабочий по залу Фарух Абдуразаков пытался ударить старушку, я просто поймал его руку.

— Повалил на землю и долго бил ногами.

— Правда? — не поверил Сергей. — И он жив до сих пор? Семь лет назад я на промзоне брал убийцу троих человек. Мне вечером домой позвонил участковый и сообщил, что видел похожего типа. Мы пош-

ли проверять. Я даже в оружейку не заглянул, чтобы взять «ПМ». Позвонили в дверь, участковый свое табельное оружие из кобуры не достал. Дверь открылась, и на меня бросился мужик с десантным ножом. Участковый едва убежать успел. А я сломал убийце руку и уже лежащего ударил ногой три раза. Сломал ему нос, челюсть и ключицу. Все длилось три секунды... Ну, может, четыре. А вы говорите, что я как-то ушлепка долго бил ногами...

— Поосторожнее в выражениях. Он ведь тоже личность.

— Личность — это тот, кто превосходит всех остальных добрыми делами, а ваш Абдуразаков торчит целыми днями в отделе парфюмерии и прыскает на себя из всех флаконов подряд, срывая фабричную упаковку. Он по-русски писать не умеет, так что не мог на меня заявку состряпать. А вот Фатима — запросто. Она приводит на работу своих родственников, знакомых и просто земляков, за что они отчисляют ей десятую часть своей зарплаты, а еще она сдает им всем двушку на первом этаже хрущевки. Каждый проживающий отстегивает ей по пять тысяч. Понятно, что ей еще приходится делиться с участковым, но все-таки.

— Прекратите! — остановил Сергея зам по кадрам. — Это не доказано.

— А чего тут доказывать? Адрес я вам укажу, там в настоящий момент проживает семнадцать человек. С этими кадрами можете побеседовать — это ведь ваша прямая обязанность.

— Все! — не выдержал Садыков. — Вы у меня вот где!

Он показал на свое горло.

— Я взял вас из сочувствия. Хотя по службе к вам было очень много претензий. Но вы служили под на-

чалом полковника Коптева, а это уважаемый человек. Теперь районным отделом полиции руководит. Думал, что вы у него чему-нибудь научились. Потом взглянул на ваше личное дело. Кроме выговоров, ничего там нет. Другие как-то умудряются...

— Ну да, — согласился Ерохин, — тот самый участковый, о котором я уже рассказывал, после того задержания получил за поимку особо опасного миллион рублей премии. А с меня в порядке поощрения сняли ранее наложенное взыскание.

— Пишите заявление, — напомнил Садыков, кладя на стол перед ним лист бумаги для принтера.

— Прошу уволить меня по собственному желанию, — начал писать Сергей, диктуя вслух самому себе, — в связи с переходом на новую более престижную работу. На чье имя?

— На мое, — подсказал зам по кадрам.

Закончив писать, Ерохин протянул листок Садыкову и, когда тот взял его, спросил:

— Коптев тоже в числе учредителей «Сферы»?

Зам по кадрам попытался выдернуть листок, но Сергей держал его крепко.

— Так он — учредитель?

— Отдайте ваше заявление, — прошептал зам по кадрам.

— Ответите — отдам, хотя я и так это знаю.

— Если знаете, то зачем спрашиваете? И запомните: меньше знаешь — лучше спишь.

Садыков забрал листок, положил на стол и начал разглаживать ладонью помятый уголок.

— Теперь по поводу этой Фатимы, — продолжил Ерохин. — Однажды я поймал ее на служебном входе, когда она выносила два пакета с ворованным товаром. Она мне клялась больше этого не делать. Не